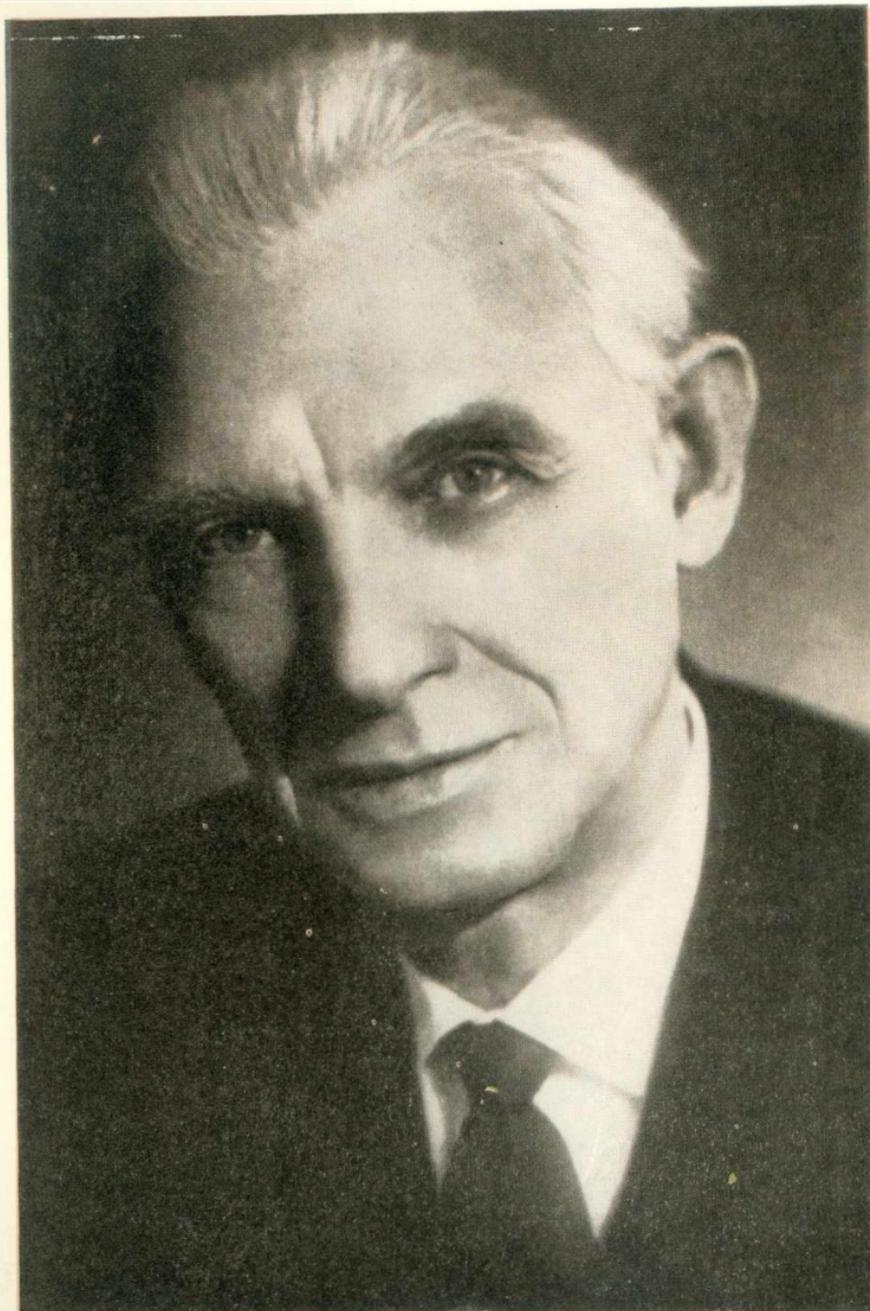

П. Н. БЕРКОВ

Проблемы
исторического
развития
литератур

Дорогой
Фанне Зиновьевне
Кануновой
на память о
нашем Учителе.
25/V-81 Н.Кочеткова

БИБЛИОТЕКА

КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

П. Н. БЕРКОВ

Проблемы исторического развития литератур

СТАТЬИ

7-980143

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1981

ББК 83.3
Б 48

Предисловие *Д. Лихачева*

Составление
Н. Кочетковой и Г. Фридендера

Оформление художника *Н. Васильева*

Б $\frac{70202-075}{028(01)-81}$ 228-80 4603000000

© Издательство
„Художественная литература“, 19

Павел Наумович Берков родился в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский) 14 декабря (по новому стилю) 1896 года.

Аккерман — древний город, история которого восходит еще к VI—V веку до н. э. Он был когда-то одним из центров финикийской торговли, а затем античной культуры Северного Причерноморья, в котором процветали не только торговля, но и ремесла. Своими культурными интересами и трудолюбием П. Н. Берков во многом обязан семье, в которой родился и вырос. В домашней библиотеке было много книг, в том числе энциклопедии и справочники. Отец его, зубной врач, человек с немалыми культурными запросами, любил наводить справки, пытливо добивался точных сведений по каждому вопросу, волновавшему в начале века среднюю интеллигентную семью, — и сыну он тоже привил любознательность. Много сделал для развития культурных интересов мальчика и брат — позднее преподаватель математики в средних учебных заведениях. Гимназия, в которой учился юный Берков, имела хорошую библиотеку. Преподавали в ней опытные, широкообразованные педагоги, такие, как латинист В. Д. Тузенко, преподаватели словесности В. И. Зосимович-Дидьковский и Д. Д. Дыбяк.

В школьные годы Берков увлекался математикой; одновременно у него рано проявился интерес к истории родного города, его археологическим древностям. Он читал все, что относилось к прошлому Аккермана, делал из книг выписки, научился снабжать их точными библиографическими сносками и составлять библиографию вопроса. Когда в 1911 году в Аккерманскую гимназию был переведен историк Хрисанф Хрисанфович Зенкевич, автор книги о Пантикапее, он нашел для себя неоценимый материал в тетради, принадлежавшей маленькому гимназисту, у которого были даже небольшие открытия. Он собирал на берегу античную керамику и, в частности, особенно заинтересовался клеймами, которые ставили в свое время базарные старосты (агораномы) на гончарных изделиях как разрешение на их продажу. Однажды, наблюдая за работой землечерпалки, выбрасывавшей на берег песок со дна моря у Днестровского лимана, он нашел клеймо с греческой надписью.

Этого клейма в справочниках не оказалось, и тогда, догадываясь, что часть территории античного города была затоплена некогда Днестровским лиманом, он стал усиленно собирать керамику именно в этом районе. Ему удалось составить неплохую коллекцию, в которой были обломки чернолаковой посуды, керамические ручки сосудов с клеймами, неизвестными предшествующим исследователям. Коллекция его стала широко известна. Приехавший в 1912 году в Аккерман известный археолог, профессор Одесского университета Э. фон Штерн, захотел познакомиться с мальчиком и его находками. С волнением понес ему гимназист часть своих древностей. Состоялась долгая беседа. На следующий день они уже вместе ходили на раскопки. Ассистент Э. фон Штерна тоже заинтересовался юным исследователем и спросил, что он собирается делать по окончании гимназии. Узнав о его желании стать археологом, ассистент спросил: «А читали ли вы «Слово о полку Игореве»?» Услышав отрицательный ответ, прибавил: «Когда прочтете «Слово», — окончательно решите, кем вам быть».

В 1940 году, накануне Великой Отечественной войны, почти тридцать лет спустя, П. Н. Берков прочел в отчете Э. фон Штерна о раскопках, производившихся им в Аккермане: «У одного гимназиста есть недурная коллекция чернолаковой керамики». Этим, собственно, и ограничивается итог его гимназических исследований, но в формировании ученого это увлечение сыграло очень серьезную роль, научив работать со справочниками, разыскивать необходимую литературу, правильно составлять библиографию изучаемого вопроса, делать точные ссылки, неустанно собирать материал. Однако было в этом детском научном увлечении и нечто еще более значительное: интерес к предмету занятий стал для П. Н. Беркова на всю жизнь — интересом к родине, к родной культуре. Когда родина была по преимуществу родным городом, — он увлекался аккерманскими древностями. Когда же вырос и горизонт расширился, — предметом занятий на всю жизнь стала русская культура.

В Одесский университет, на классическое отделение историко-филологического факультета, Берков поступил уже после Февральской революции 1917 года, но слушать лекции ему не пришлось. После смерти отца семья нуждалась, и он устроился преподавателем гимназии в местечке Татарбунары на территории Бессарабии, а в Одессу приезжал только для сдачи экзаменов. В 1918 году Бессарабия была оккупирована боярской Румынией. Граница была закрыта, связь с Россией оказалась потерянной, и для продолжения образования ему пришлось ехать в Вену,

поступать в Венский университет. Тяжело переживал он этот отрыв от родины.

Приехал он в Вену ранней весной. На факультете лекции начинались в разное время и большинство с осени. Между тем на египтологическом отделении были предметы, которые только что начинали читаться. Это в известной мере случайное обстоятельство повлияло на его решение поступить на египтологическое отделение. Тоска по России побудила, однако, Беркова заняться славяноведением. Свою докторскую диссертацию, написанную им на немецком языке, он посвятил теме: «Отражение русской действительности конца XIX века в творчестве Чехова». Возглавлявший кафедру истории проф. Г. Юберсбергер написал о диссертации: «Эта работа стоит выше уровня работ, представляемых в качестве докторских». Работа была принята. Она зарегистрирована в «Библиографии диссертаций, защищенных в Венском университете» (имеется в Фундаментальной библиотеке АН СССР). Рукопись диссертации находится в Венском университете, который Берков закончил с отметкой в дипломе «Summa cum laude».

Сразу же по приезде в Вену П. Н. Берков принял советское подданство. По окончании университета в 1923 году он послал в Москву, Петроград и Иркутск просьбы о приеме его на работу. Из Петрограда П. Н. Берков получил приглашение от отдела народного образования и первые годы по приезде (1923—1929) заведовал 48-й советской трудовой школой (бывшая 5-я гимназия), одновременно преподавая в ней русскую литературу. В 1925 году он стал сотрудником Института литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ), впоследствии преобразованного в Институт речевой культуры. Именно здесь он начал заниматься литературой XVIII века и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ранний период русской литературной историографии».

Когда в Ленинграде был организован Институт книги, документа и письма АН СССР, Берков стал в нем заведующим отделом книги. Одновременно он оставался старшим научным сотрудником и заведующим учебной частью Института речевой культуры.

В 1934 году в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР была организована группа по изучению литературы XVIII века под руководством академика А. С. Орлова, своего рода центр изучения XVIII века, и сюда логически переместилась исследовательская деятельность П. Н. Беркова. Работая в качестве доцента, а затем профессора Ленинградского университета, старшего научного сотрудника Историко-археологического института, Института языка и мышления АН СССР, он неизменно оставался

«полпредом» этой группы, представителем той науки, основой которой прочно стал Пушкинский Дом.

В 30-е годы Пушкинский Дом представлял собою крупнейшее в мировой науке литературоведческое учреждение. Помимо русской литературы, здесь изучался во всем его объеме русский фольклор и литература Западной Европы. В области русской литературы здесь работали В. П. Адрианова-Перетц, В. В. Гиппиус, Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий, И. П. Еремин, Б. С. Мейлах, Л. Б. Модзалевский, А. С. Орлов, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум. В фольклорном отделе, возглавлявшемся М. К. Азадовским, работали Н. П. Андреев, А. М. Астахова, А. И. Никифоров. Отдел западных литератур был представлен М. П. Алексеевым, Н. Я. Берковским, К. Н. Державиным, В. М. Жирмунским, Б. А. Кржевским, С. С. Мокульским, Б. Г. Реизовым, А. А. Смирновым. Открытые заседания научных отделов института привлекали как специалистов, так и студентов и преподавателей средних школ. Заседания эти были всегда оживленными, вопросы, на них обсуждавшиеся, выходили за рамки плановых заданий, по которым работал институт.

2

Как бы ни были разнообразны научные интересы П. Н. Беркова (о них мы скажем в дальнейшем), в этом разнообразии нет случайности.

П. Н. Берков прежде всего культуровед, исследователь и знаток эпохи, книжности, литературы изучаемой им страны и времени. И в этом изучении культуры им прежде всего движет интерес к людям. Позволю себе привести выдержку из его книги «О людях и книгах», характеризующую его позиции в этом вопросе: «Я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами, любим людей, украсивших ее своими иллюстрациями, любим неизвестных нам типографов и переплетчиков, вложивших в нее свой талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение ею как произведением особого, высокого искусства — искусства книги»¹. Сказанное П. Н. Берковым о любви к книгам может быть с полным осно-

¹ Берков П. Н. О людях и книгах, Из записок книголюбца. М., 1965, с. 7—8.

ваннем распространено на любую из тех многочисленных областей человеческой культуры, которыми он занимается. Всюду — в литературе, театре, журналистике, литературной историографии, библиографии, библиотековедении или библиофильстве — он ищет прежде всего человека.

Закljučая свою книгу «Ломоносов и литературная полемика его времени», он пишет: «Автор не может не признаться, что ни Ломоносов, ни Тредиаковский, ни Сумароков не были для него отвлеченными схемами, а представляли живые, реальные фигуры»¹.

Эти высказывания П. Н. Беркова о том, что писатели для него прежде всего люди и что в каждом явлении культуры ценны прежде всего личности людей, которые за ним стоят, носят отнюдь не риторический характер. Они выражают самую суть его подхода к предмету своих исследований. Так, например, говоря о преобразованиях Петра I, он указал, что они стали возможны только благодаря наличию «в тогдашней Москве таких людей, как Л. Магницкий, В. Киприянов и другие. Именно это явилось фактом, объясняющим историческую закономерность преобразований Петра»². Его не интересует факт сам по себе, как и концепция сама по себе. Им движет желание «воскресить прошлое», «воскресить» жизнь и людей, восстановить забытое в его целостном органическом единстве, учесть конкретную взаимосвязь множества явлений, отчетливо представить себе, что было в действительности.

Концепция творчества Крылова, созданная П. Н. Берковым, — это прежде всего образ Крылова — человека и писателя. То же следует сказать и о Ломоносове, которому П. Н. Берков посвящает свои исследования и чьи сочинения публикует начиная с 1937 года. Эта особенность исследовательской манеры П. Н. Беркова характерна и для его работ о Сумарокове, Тредиаковском, Кантемире, Капнисте и многих других писателях, изучением творчества которых он занимался.

Он воскрешает прошлое как исследователь, восстанавливает недостающие звенья, объясняет непонятное, приводит в связь явления, которые казались случайными, но не как «пейзажист» прошлого, а как его ученый реставратор, стирающий с карты прошлого белые пятна; П. Н. Берков восстанавливает факты, которые сами слагаются в определенное целое, абсолютно при этом достоверное, если достоверны исследуемые факты.

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М. — Л., 1936, с. 286.

² Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689 — январь 1725. М. — Л., 1958, с. 20.

Вся научная деятельность П. Н. Беркова основана на его интересе к людям прошлого и настоящего. Поэтому нет в нем научного эгоцентризма. Для него характерно отвращение ко всякого рода внешним эффектам и легкомысленным предположениям, не подкрепленным достаточным количеством фактов. Отсюда его стремление к точности, к установлению конкретных фактов, к раскрытию псевдонимов и анонимов, восстановлению несправедливо испорченных репутаций, к распутыванию сложных узлов человеческих взаимоотношений. Во всем этом он прежде всего стремится понять человека, найти в нем лучшие побудительные причины его деятельности. Поиски истины для Беркова — это в какой-то мере и поиски справедливых оценок. Вот почему он иногда выходил за сферу привычных для себя тем и занимался, например, Куприным тогда, когда отношение к нему нашей критики было еще очень неопределенным¹. Вот почему он обращался и к тем вопросам, которыми до него почти никто не занимался или которые считались несущественными для той или иной эпохи. Он изучает, в частности, польско-русские отношения XVIII века, восстанавливает репутацию Игнация Быковского², пропагандировавшего русскую литературу в Польше, определяет факт перевода русских авторов на польский язык уже в XVIII столетии.

XVIII веком П. Н. Берков стал заниматься в те годы, когда подлинно научное изучение литературы этого времени только начиналось. Вместе с Г. А. Гуковским он стал одним из создателей современной науки о литературе XVIII века, основателем советской школы ее исследователей.

Свою кандидатскую диссертацию «Ранний период русской литературной историографии» П. Н. Берков защитил весной 1929 года, за полгода до защиты Г. А. Гуковским своей. Обе диссертации послужили первой вехой в новом подходе к литературе XVIII века. В них впервые выступала во всей своей значительности роль XVIII века в историко-литературном процессе.

В своей статье о П. Н. Беркове Г. П. Макогоненко хорошо сказал, что «любимые темы Павла Наумовича — трудные»³. Это отчасти объясняет, почему основной круг своих исследований Берков посвятил именно XVIII веку. XVIII век — это эпоха, полная малоизвестных имен и непроясненных фактов, псевдонимных и анонимных произведений, эпоха, когда свирепствовала цензура и

¹ Берков П. Н. Александр Иванович Куприн. Критико-библиографический очерк. М. — Л., 1956.

² Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, с. 50—52.

³ Макогоненко Г. П. Павел Наумович Берков. К семидесятилетию со дня рождения. — Рус. лит., 1966, № 4, с. 251.

писатели вынуждены были высказывать свои мысли путем аллюзий, иносказаний и намеков. Сложно переплетались в нем также рукописная традиция с печатным словом. Все это представляло немалые соблазны для исследователя, с самого начала предпочитавшего трудные задачи легким.

Интерес П. Н. Беркова к XVIII веку определялся и рядом других обстоятельств, связанных как с характером эпохи, так и с характером творческих поисков самого исследователя. Это эпоха переходная, эпоха, связывающая собой два огромных и очень различных периода русской литературы — древний и новый. Между тем именно культурные и литературные связи во всем их разнообразии и многообразии больше всего привлекают исследовательскую пытливость П. Н. Беркова, рассматривавшего творчество того или иного писателя в связи с литературным окружением, с литературной полемикой и борьбой своего времени. Особый интерес представляли для П. Н. Беркова традиции, связи эпох, связи литератур различных народов. Поэтому его занимали переводческая деятельность, осведомленность одного народа о другом, литературные взаимосвязи, взаимное изучение литератур. Со всех этих точек зрения XVIII век представляет собой исключительный интерес. Он характеризуется тесными связями ряда стран Западной Европы, усилившейся переводческой деятельностью, первым знакомством Запада с произведениями русской литературы, литературной и журнальной борьбой.

Исследуя эпоху, Берков прежде всего избирает человека этой эпохи, — при этом человека социального, человека с его воззрениями, убеждениями, эстетическими вкусами, человека как представителя определенного слоя населения, нации и эпохи. Этим подходом к объекту исследования ученый разительно отличается от своих предшественников. В предисловии к своей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» он пишет: «Лишь в книге Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века» (1927) сделана попытка осознать полемику между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым как борьбу литературных группировок, а не как персональную склоку». Столкновения Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях) литературоведы XIX века «выводили из их личных свойств: тщеславия, зависти, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера и т. д. Социальных причин за этими «личными дрызгами» не видели...»¹.

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, с. 1, 2.

Благодаря такому подходу перекидывается широкий мост между изучением писателя как личности и изучением историко-литературного процесса, изучением литературных направлений. Специально классицизму посвящена работа П. Н. Беркова «Проблемы изучения русского классицизма» (1964). Вот почему так существенны его книга «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936) и статья «Проблема литературного направления Ломоносова» (1962). В них он стремится определить и уточнить своеобразие классицизма Ломоносова и Сумарокова, их различные положения в этом едином течении.

Интересует его также вопрос о характере, сущности и своеобразии русского просвещения. Он организовал конференцию по этой проблеме, а затем — издание сборника статей, открывающегося его исследованием «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века» (1961).

Монография П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (1954) много шире объявленной в ее заголовке темы. В ней он раскрывает не только историю, но и роль журналистики в литературном развитии XVIII века. Особо подчеркивает он значение «частной журналистики» в формировании прогрессивной общественной мысли и освободительного движения. Он показывает, что именно прогрессивная журналистика «подготавливала в недрах классицизма будущие успехи и конечное торжество реализма». Журналистика была главной ареной идейной борьбы и литературного формирования писателей XVIII века. Поэтому «История русской журналистики XVIII века» в какой-то мере явилась также историей русской общественной мысли, историей литературной борьбы того времени.

Эта книга хорошо характеризует умение П. Н. Беркова показать значение отдельных изучаемых им вопросов, глубину подхода к избранной теме, умение всесторонне ее исследовать, рассматривая каждый вопрос комплексно, в его взаимосвязях с другими вопросами, в единстве его историко-культурных аспектов. Его интересовали не только литература XVIII века, но наука того времени, журналистика, театр, история интеллигенции как таковой.

Значителен вклад, внесенный П. Н. Берковым в изучение истории драматургии и театра XVIII века. И здесь следует отметить масштабность его интересов. Он изучает высокую трагедию, комедии, школьный театр, городской театр и театр народный. Занимается драматургией Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Лукина. Особо следует выделить серию его замечательных статей о драматургии Фонвизина, внесших важные материалы в

характеристику творчества последнего: «Завещание Панина и «Недоросль» Фонвизина» (1945), «О чистосердечном признании Фонвизина» (1945), «К хронологии произведений Фонвизина» (1946), «Материалы для биографии Д. И. Фонвизина» (1946) и обобщающая статья «О театре Фонвизина и русской культуре» (1947). Русская культура — ее своеобразие, ее формирование, консолидация в ней ее национальных черт — стоит и в этом случае как конечная цель всех разнообразных исследований Беркова.

Как уже было сказано выше, очень большое внимание уделяет П. Н. Берков межнациональным связям культур и литератур. И это не случайно. Национальные культуры лучше всего раскрываются в своей самобытности, когда вступают в общение друг с другом. Национальная культура растет во взаимодействии с другими культурами, усваивая, перерабатывая, выбирая из этого чужого то, что отвечает внутренним ее потребностям.

Взаимодействие и связи изучаются П. Н. Берковым во всем многообразии: здесь и литературные влияния, и заимствования, и переводы с одного языка на другой, и изучение в одной стране литературы другой страны, а также непосредственные контакты (вроде обучения украинцев и русских в университетах Польши и Германии), театральные постановки иностранных пьес и многое другое.

С чувством патриотической гордости занимался он вопросами изучения русской литературы на Западе, посвятив этому целый ряд исследований: «Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке» (1930), «Изучение русской литературы во Франции» (1939), ряд статей о переводах «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки и об изучении «Слова» на Западе (1935, 1938, 1941, 1947). Та же тема получила свое освещение в его работах «Русско-польские литературные связи в XVIII веке» (1958, 1960), «Русская литература XVIII века и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)» (1963), «M. Alopäus' Vorlesung über russische Poesie in Göttingen im Jahre 1769» (1934), «Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert» (1957, 1958), «Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard» (1958) и др.

Изучались им и обратные связи, влияние иностранных литератур на русскую: отношение к творчеству Диккенса (1930), история первоначального знакомства русского читателя с Гете (1932), русский вертеризм (1932), русские отклики на смерть Вольтера, английские пьесы в России в 1760—1770-е годы (1958), гастроли французской ярмарочной труппы в Петербурге в 1727—1728 годах

Благодаря такому подходу перекидывается широкий мост между изучением писателя как личности и изучением историко-литературного процесса, изучением литературных направлений. Специально классицизму посвящена работа П. Н. Беркова «Проблемы изучения русского классицизма» (1964). Вот почему так существенны его книга «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936) и статья «Проблема литературного направления Ломоносова» (1962). В них он стремится определить и уточнить своеобразие классицизма Ломоносова и Сумарокова, их различные положения в этом едином течении.

Интересует его также вопрос о характере, сущности и своеобразии русского просвещения. Он организовал конференцию по этой проблеме, а затем — издание сборника статей, открывающегося его исследованием «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века» (1961).

Монография П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (1954) много шире объявленной в ее заголовке темы. В ней он раскрывает не только историю, но и роль журналистики в литературном развитии XVIII века. Особо подчеркивает он значение «частной журналистики» в формировании прогрессивной общественной мысли и освободительного движения. Он показывает, что именно прогрессивная журналистика «подготавливала в недрах классицизма будущие успехи и конечное торжество реализма». Журналистика была главной ареной идейной борьбы и литературного формирования писателей XVIII века. Поэтому «История русской журналистики XVIII века» в какой-то мере явилась также историей русской общественной мысли, историей литературной борьбы того времени.

Эта книга хорошо характеризует умение П. Н. Беркова показать значение отдельных изучаемых им вопросов, глубину подхода к избранной теме, умение всесторонне ее исследовать, рассматривая каждый вопрос комплексно, в его взаимосвязях с другими вопросами, в единстве его историко-культурных аспектов. Его интересовали не только литература XVIII века, но наука того времени, журналистика, театр, история интеллигенции как таковой.

Значителен вклад, внесенный П. Н. Берковым в изучение истории драматургии и театра XVIII века. И здесь следует отметить масштабность его интересов. Он изучает высокую трагедию, комедии, школьный театр, городской театр и театр народный. Занимается драматургией Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Лукина. Особо следует выделить серию его замечательных статей о драматургии Фонвизина, внесших важные материалы в

характеристику творчества последнего: «Завещание Панина и «Недоросль» Фонвизина» (1945), «О чистосердечном признании Фонвизина» (1945), «К хронологии произведений Фонвизина» (1946), «Материалы для биографии Д. И. Фонвизина» (1946) и обобщающая статья «О театре Фонвизина и русской культуре» (1947). Русская культура — ее своеобразие, ее формирование, консолидация в ней ее национальных черт — стоит и в этом случае как конечная цель всех разнообразных исследований Беркова.

Как уже было сказано выше, очень большое внимание уделяет П. Н. Берков межнациональным связям культур и литератур. И это не случайно. Национальные культуры лучше всего раскрываются в своей самобытности, когда вступают в общение друг с другом. Национальная культура растет во взаимодействии с другими культурами, усваивая, перерабатывая, выбирая из этого чужого то, что отвечает внутренним ее потребностям.

Взаимодействие и связи изучаются П. Н. Берковым во всем многообразии: здесь и литературные влияния, и заимствования, и переводы с одного языка на другой, и изучение в одной стране литературы другой страны, а также непосредственные контакты (вроде обучения украинцев и русских в университетах Польши и Германии), театральные постановки иностранных пьес и многое другое.

С чувством патриотической гордости занимался он вопросами изучения русской литературы на Западе, посвятив этому целый ряд исследований: «Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке» (1930), «Изучение русской литературы во Франции» (1939), ряд статей о переводах «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки и об изучении «Слова» на Западе (1935, 1938, 1941, 1947). Та же тема получила свое освещение в его работах «Русско-польские литературные связи в XVIII веке» (1958, 1960), «Русская литература XVIII века и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)» (1963), «M. Alopäus' Vorlesung über russische Poesie in Göttingen im Jahre 1769» (1934), «Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert» (1957, 1958), «Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard» (1958) и др.

Изучались им и обратные связи, влияние иностранных литератур на русскую: отношение к творчеству Диккенса (1930), история первоначального знакомства русского читателя с Гете (1932), русский вертеризм (1932), русские отклики на смерть Вольтера, английские пьесы в России в 1760—1770-е годы (1958), гастроль французской ярмарочной труппы в Петербурге в 1727—1728 годах

(1957), деятельность капеллана английской фактории в России Томаса Консетти (1962).

Для характеристики принципов изучения П. Н. Берковым межнациональных связей показательна его работа «Ранние русские переводы Горация» (1935), в которой он выявляет, что именно отбирал Тредиаковский из литературного наследия Горация для своих переводов, что казалось Тредиаковскому актуальным для русского читателя и как трансформировалась поэзия Горация в стихах Тредиаковского. Автор блестяще доказал, что эти переводы были связаны с обличениями аристократов и имели целью нравственное воспитание русского общества.

Общим проблемам изучения межнациональных литературных связей посвящены две работы П. Н. Беркова: «Мировое значение русской классической и советской литературы» (1950) и «Проблемы изучения межнациональных литературных отношений (литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литератур)» (1962).

Нетрудно заметить, что межнациональные связи исследуются им в очень широком диапазоне, в частности хронологическом (от древней литературы до советского периода).

Одним из первых обратился П. Н. Берков к систематическому изучению литератур народов СССР. Побудили его к тому практические нужды преподавания курса соответствующих литератур в высших учебных заведениях, однако его интерес к исследованию взаимосвязей отразился и здесь. Влияние русской литературы на литературу армянскую, грузинскую, киргизскую и другие, источники осведомленности русских писателей в литературе других народов СССР — вот его основные темы в этой области. Беркову принадлежат работы о Хачатуре Абовяне и Аветике Исаакяне, Важа Пшавела (1966), Шота Руставели (1966), белорусском писателе Виталии Вольском, киргизском поэте Д. Боконбаеве и киргизском народном эпосе «Манас» (1944), об Андрее Ушите. Он занимается и переводами В. Брюсова с армянского (1962), и отражением поэзии В. Брюсова в армянской поэзии (1962), занимается Шота Руставели в русской литературе (1938) и Пушкиным в литературах народов СССР (1949), «Записками охотника» в литературах народов СССР (1951) и еще более широкой темой: «Революция 1905—1907 годов и литературы народов СССР» (1955). Немаловажное значение имеют его статьи, посвященные разработке преподавания литератур народов СССР в высших учебных заведениях и в средней школе: «Как строить курс литературы народов СССР» (1951), «О преподавании литературы народов СССР в высшей школе» (1951), «Киргизская литература в школе» (1944),

«К вопросу о принципах построения антологии киргизской литературы» (1944).

Занимается он также вопросами развития болгарской литературы (1961), пьесой болгарского писателя А. П. Шопова «Смъртта на князя Потемкина» (1959), творчеством Г. Мопассана (1932, 1935) и переводами с китайского на белорусский (1954). В литературе XX века Беркова интересуют Горький, Куприн (творчеству последнего он посвятил специальную книгу) и особенно — Валерий Брюсов. Его интересуют литературные направления XVII — начала XIX века (барокко, просвещение, классицизм) и литературоведческая терминология (1963). Однако шире и богаче всего представлены в списке его научных трудов книги и статьи по вопросам источниковедения: библиографии, библиофильства, библиотековедения, текстологии, историографии.

3

Нередко в открытиях литературоведов играет роль случайность: неожиданно обнаруживаются те или иные новые тексты, документы, книги. Иные исследователи руководствуются только своей интуицией, не придавая особого значения полноте и систематичности обследования материалов. Что же касается П. Н. Беркова, то он в своих работах уделяет особое внимание именно полноте и систематичности рассмотрения целых групп материалов. Этим объясняется его интерес к истории журналистики, истории библиотек тех или иных деятелей культуры, как комплексов, в которых отразилась личность владельца, интерес к репертуару литературных произведений и, разумеется, к библиографии и библиографической эвристике. Отмечая, что со времени Великой Октябрьской революции «количество фактического материала» значительно выросло, он тем не менее подчеркивает, что «на многих подобных находках лежит печать случайности», что «и сейчас исследователь на каждом шагу ощущает недостаточную разработанность, даже невыявленность нужных источников, неполноту и случайность библиографии предмета, отсутствие критической истории науки»¹. От случайных находок к систематическому описанию архивных материалов, к составлению списков книг гражданской печати, к изучению истории журналов и журналистики, истории литературной и театральной терминологии, полных библиографий и истории науки — вот тот новый, трудный, но принципиально верный, строго

¹ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964, с. 5, 6.

научный метод, которому следовал сам П. Н. Берков и который во многом благодаря ему утвердился в нашем литературоведческом источниковедении.

Знаменательно, что, даже оценивая труды библиографов прошлого, П. Н. Берков учитывал моральные качества их составителей, их общественные и идейные позиции. Труды по библиографии ценны для него не только своими чисто специальными качествами, но и отражением в них личности библиографов, их личных интересов, их индивидуальных склонностей. С этой стороны характерны такие его работы, как «Идеологическая позиция В. С. Сопикова в „Опыте российской библиографии“» (1933), «Общие библиографии русских книг гражданской печати М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии» (1956), «О библиографических трудах по русской периодической печати» (1956), «Мезьер — библиограф-романтик» (1962).

Выдающийся теоретик библиографии, труды которого в этой области получили мировое признание, П. Н. Берков и здесь остается историком культуры, исследователем людей как представителей своего времени прежде всего.

Вот почему для него библиография неразрывно связана с библиотековедением, с библиофильством, с историей печати, журналистики, книжной торговли. П. Н. Берков — книговед в широком смысле слова, а книговедение сливается для него с человековедением.

Он любит книгу живую, отражающую человеческую индивидуальность тех, кто ею пользовался и пользуется, покупает, собирает, хранит, дарит, пропагандирует, извлекает из нее сведения или делает предметом своих исследований.

В своем интересе к библиографии, к судьбе книг, к установлению мельчайших фактов литературной истории ученый следует велению своей всепоглощающей любви к русскому прошлому, к русской культуре. И в известной мере как признание звучит его высказывание: «Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги»¹. В приведенной цитате особенно значительно место, где автор говорит о любви к «явлениям культуры определенной эпохи». Такой «определенной эпохой» для П. Н. Беркова является, как уже указывалось выше, прежде всего XVIII век — русский XVIII век. Под «определенной эпохой», с которой связана книга, он подразумевает, что книга не может рассматриваться сама по себе: она связана со своей эпохой,

¹ Берков П. Н. О людях и книгах, с. 7—8.

представляет собой продукт этой эпохи. Об одной из изучаемых им книг П. Н. Берков пишет: «Для меня эта книга не редкость, сохранившаяся в пяти или шести экземплярах, а памятник человеческого творчества и человеческих судеб»¹.

Последовательно изучает он труды тех, кто до него изучал писателей и книголюбов. Историография истории литературы для него прежде всего история людей, история исследователей. Он рассматривает историографию как часть человековедения, а человековедение — это борьба с забвением, которая требует восстановления справедливости, установления правильных оценок людей прошлого и своих современников.

П. Н. Беркову принадлежит большое число статей об историках литературы: советских, дореволюционных и иностранных. Если учесть, что каждый из советских литературоведов охарактеризован автором на фоне движения литературоведения, можно считать, что он создал тем самым довольно полную историю советского литературоведения.

Усиленно занимаясь историографией литературы, П. Н. Берков энергично и многократно указывал, что изучение ее не должно становиться самоцелью. Историография должна быть на службе у современности. Она может помочь выявить укоренившиеся в науке неверные представления, ошибки и их источники, установить правильные точки зрения на литературный процесс, предостеречь от новых заблуждений. «Вне этой связи с современностью, — пишет П. Н. Берков, — с задачами, стоящими перед нынешним этапом нашего литературоведения, литературная историография утрачивает свое прямое назначение — помогать литературоведу в его постоянной, повседневной работе. Напротив, она становится в таком случае балластом для памяти, «знанием для знания», весьма привлекательной областью для коллекционеров фактов, бесполезной для ученого, живущего интересами своей эпохи»². Он подчеркивает: «Литературная историография ни в коем случае не является хронологически расположенной библиографией, хотя строится, конечно, на материалах последней. Отличительная черта литературной историографии состоит в том, что она представляет историю (подчеркнуто П. Берковым) историко-литературных концепций». И далее: «Правильно понимаемая литературная историография должна раскрывать историческую обусловленность борющихся концепций»³. Таким образом, литературная историография

¹ Берков П. Н. О людях и книгах, с. 18.

² Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, с. 15—16.

³ Там же, с. 251—252.

может помочь современному исследователю отбросить субъективное, неверное, исторически ограниченное и использовать то объективное, ценное, что содержится в прежних исследованиях.

Те же особенности характеризуют и многочисленные работы П. Н. Беркова по теории библиографии. Библиография для него — самостоятельная наука в том смысле, что она обладает собственным методом, собственным кругом вопросов. Но одновременно она, как и все гуманитарные науки, имеет и служебное значение, будучи призвана облегчить ученому розыски необходимых книжных материалов, помогать ему в его научной работе. И в библиофильстве он ценит также книжное дело человечества, любовь к книге, без которой не может существовать ни сама книга, ни книжное знание ученых.

В отличие от авторов многих текстологических работ последнего времени, П. Н. Берков учитывал опыт зарубежной науки, точки зрения зарубежных ученых и являлся противником механистической текстологии, во всей своей текстологической практике считаясь прежде всего с характером и духом произведения, со способами и приемами работы автора, его «писательской техникой».

Несмотря на то, что Беркову принадлежит довольно большое число работ, посвященных задачам изучения той или иной области литературоведения и теоретических работ по технике литературного исследования, по теории библиографии, он никогда не опускался до бесполезного в науке менторства. Все его рекомендации и указания вполне конкретны. Личным примером, примером своих собственных исследований, он создал в целом совсем новую научную школу.

4

Научная деятельность П. Н. Беркова неразрывно связана с его общественной деятельностью и педагогической практикой. Начав ее как педагог средней школы, он уже в 1925 году вступил на трудную стезю преподавания в высших учебных заведениях: в 1925-26 годах он — ассистент Педагогического института имени А. И. Герцена, в 1934 году начинает преподавательскую деятельность в Ленинградском государственном университете — в качестве доцента, а вскоре и профессора. Во время Великой Отечественной войны он был профессором Киргизского педагогического института, но по возвращении вернулся к преподаванию в Ленинградском университете. Свой опыт чтения лекций П. Н. Берков

обобщил в замечательном докладе, прочитанном им в Ленинградском университете и имевшем очень большой успех у слушателей: «О методике вузовской лекции». К сожалению, доклад этот так и остался ненапечатанным.

Преподавание для П. Н. Беркова — это прежде всего заботливое выращивание молодых специалистов. Немало его собственных научных трудов возникло как ответ на требования педагогической работы. К ним относятся его статьи по литературам народов СССР, труды по технике литературоведческих исследований и библиографических изысканий, различного рода работы о задачах, путях и методах исследования литературы XVIII века. Стремление научить студентов работать, передать им свои знания, наметить для них темы будущих исследований сказывается почти во всей его деятельности. Педагогом он был таким же темпераментным, как и исследователем. Выражалось это прежде всего в том, что он не только много давал своим ученикам, но и много с них спрашивал. Он требовал от них самостоятельности, собственных точек зрения, однако решительно осуждал скороспелые открытия, необоснованные выступления, стремление как можно скорей и легче утвердить свое место в науке.

Мораль и наука в понимании П. Н. Беркова были связаны неразрывно. Не считаясь с личными интересами, он был готов защищать товарища, если считал, что с ним обошлись несправедливо, или резко выступить против демагогии, «нажима», попытки обмануть общественное и научное мнение.

Разносторонность научных интересов П. Н. Беркова — это разносторонность тех личностей, которые он изучал. Он занимался тем, чем занимались они. Он жил их интересами, проходил вслед за ними их путь. Он работал часто не по своей специальности, а по специальности тех, кого он изучал, сохраняя за собой главную свою специальность — человековедение.

В своем интересе к людям и к создаваемой ими культуре, в своем глубоком уважении и любви к русской культуре и к культуре народов Советского Союза П. Н. Берков был подлинным гуманистом. Он был им также и потому, что в своем лице воскресил тип ученых эпохи Возрождения — с их глубокими филологическими познаниями, с их поразжающей эрудицией и разносторонностью, с их «бenedиктинским трудолюбием».

9 августа 1969 года Павла Наумовича Беркова не стало. Он работал буквально до последнего дня своей жизни, оставив много неопубликованных работ. Они продолжают появляться в печати, напоминая о том, что жизнь ученого продолжается в его трудах.

Из многочисленных статей П. Н. Беркова нелегко выбрать самое важное. Все же настоящий сборник может дать представление о некоторых основных направлениях его научных исследований.

В первом разделе «Общие вопросы изучения литературы» объединены работы теоретического характера, имеющие общеметодологическое значение. Статья «Маркс о всемирной истории и проблемы всемирной литературы» ставит принципиально важный вопрос об исторических закономерностях и времени возникновения всемирной литературы. Она соотносится с другими статьями, посвященными принципам изучения взаимодействия национальных литератур во всемирном масштабе. Большой опыт конкретно-исторических исследований, проведенных им, послужил основой для его обобщающих идей, связанных с проблемой изучения международных литературных и культурных отношений («Об историческом подходе к изучению международных литературных контактов», «Проблема влияния в историко-литературной науке»). В названных работах отразился облик самого исследователя — человека, проникнутого высокими гуманистическими представлениями, с уважением относящегося к истории и культуре больших и малых народов.

Ценив национальное своеобразие каждой культуры, П. Н. Берков большое внимание уделял общечеловеческому ее содержанию, прослеживая историю так называемых «мировых образов» в восточнославянских литературах. Наконец, одна из интереснейших и до сих пор еще не исследованных проблем интерпретации литературного произведения поставлена в статье «Об авторском понимании идеи произведения и степени его обязательности для литературоведения», где отчетливо проявляется общественная позиция исследователя, сознающего свою высокую ответственность перед современным и грядущими поколениями.

Второй, центральный раздел книги представляет главную область научных интересов П. Н. Беркова: «Русская литература XVIII — начала XIX века и ее международные связи». Сюда включены обобщающие статьи, посвященные наиболее принципиальным вопросам историко-литературного процесса этого периода. В работе «Особенности русского литературного процесса XVIII века» много внимания уделено проблеме европеизации России в XVIII веке, объясняющей необыкновенно интенсивный темп развития русской культуры в течение исторически очень корот-

кого промежутка времени. Естественно, что особый интерес представляют статьи, содержащие лаконичную, но удивительно емкую характеристику творчества наиболее замечательных деятелей русской культуры XVIII века: Ломоносова, Новикова, Державина, Карамзина. Эти статьи полезны не только потому, что содержат глубокие суждения ученого, почти всю жизнь занимавшегося историей русской литературы XVIII века и проникшего в «дух эпохи», — они одновременно намечают направление дальнейших разысканий, программу будущих исследований.

Из работ П. Н. Беркова, посвященных русско-европейским культурным контактам, в сборнике представлены две статьи, одна из которых ранее не публиковалась («Немецкая литература в России в XVIII веке»). Другая, написанная по просьбе редакции итальянского научного журнала, оставалась практически недоступной широкому кругу советских читателей («Пушкин и итальянская культура»). Обе статьи, насыщенные богатым материалом и новыми наблюдениями, представляют собой блестящий опыт применения общетеоретических принципов, сформулированных в статьях первого раздела, к конкретному историко-литературному материалу. В первой из названных работ прослеживается одно из направлений так называемой европеизации русской культуры, а именно восприятие немецкой литературы в России XVIII века. Обратившись к теме «Пушкин и Италия», Берков открывает нам малоизвестную сторону пушкинского творчества. Речь идет не о соотносении тем, мотивов, образов, но о восприятии своеобразия целой национальной культуры поэтом мирового значения. Пушкину П. Н. Берков посвятил и ряд других исследований, всегда — как это ни трудно — умея сказать свое, новое слово о творчестве поэта. Одной из наиболее важных и принципиальных его работ в Пушкиниане можно считать включенную в сборник статью «Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века», как бы внутренне объединяющую статьи второго раздела.

Часть научного наследия П. Н. Беркова, связанная с его долготлетними занятиями по изучению литератур многонационального Советского государства, представлена в третьем разделе книги. Две первые статьи имеют обобщающий характер. Они непосредственно соотносятся с работами первых двух разделов, сохраняя при этом свою специфику: речь идет о принципах изучения литератур народов СССР. Статья о В. Брюсове ставит вопрос об отношении к армянской литературе русского поэта, опиравшегося в своем творчестве на опыт предшествовавшей многовековой и многона-

циональной культуры. П. Н. Беркова интересовала не только проблема взаимодействия русской литературы с литературами братских народов, но и каждая национальная культура: ее истоки, история, вклад в сокровищницу мировой культуры, созданную человечеством на протяжении веков. Эти интересы ученого отражает работа об алтайском и киргизском эпосе, статья об Ованесе Туманяне.

Работы П. Н. Беркова продолжают оставаться актуальными и для исследователей-специалистов, и для широкого советского читателя.

Д. Лихачев

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Лихачев. П. Н. Берков — ученый и человек 3

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс о всемирной истории и проблемы мировой литературы	22
Об историческом подходе к изучению международных литературных контактов	36
Проблема влияния в историко-литературной науке	57
Об авторском понимании идеи произведения и степени его обязательности для литературоведения	71
Вклад восточных славян в разработку так называемых «мировых образов»	82

II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКОВ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

Особенности русского литературного процесса XVIII века . .	128
Основные вопросы изучения русского просветительства . . .	172
Проблема литературного направления Ломоносова	197
Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова	229
Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII — начала XIX веков	242
Немецкая литература в России в XVIII веке	256
Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века	298
Пушкин и итальянская культура	327

III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР

Литература народов СССР и проблемы международных литературных контактов	370
---	-----

Проблемы изучения межнациональных литературных отношений (Литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)	389
Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова	412
Алтайский эпос и «Манас»	443
Поэт и народ в художественном сознании О. Туманяна	465
Именной указатель	483